

НАШИ ГОСТИ. ДОНЕЦК ЛИТЕРАТУРНЫЙ

*Творчество поэтов и прозаиков Донецкой Народной Республики
(в некоторых произведениях есть сцены табакокурения. Минздрав
предупреждает, что курение опасно для вашего здоровья).*

Елена АДИНЦОВА, Виктория СЕМИБРАТСКАЯ

г. Донецк, Донецкая Народная Республика

Ночное

– Не, дядько, мне город больше нравится, – вихрастый худой подросток недовольно шмыгнул носом и попытался устроиться поудобней на куцем коврике. – Там рынок, лавки, дома.

– Город – хорошо, – согласно кивнул невысокий крепкий мужчина средних лет. – Да только разве может, Сашко, цыган не любить степь?

Мужчина глубоко вдохнул терпкий воздух, оглянулся на спящих неподалёку спутников. Окинул опытным взглядом силуэты стреноженных на ночь лошадей и повернулся к мальчонке.

– Я был чуть младше тебя, когда мы первый раз кочевали табором по землям войска Донского. Не сильно-то любят нас казаки, да уж больно у них кони хороши, – хмыкнул мужчина и замолчал, погрузившись в воспоминания.

Пряная летняя ночь катила по небу золотой червонец луны. В слабых бликах догорающего костра Сашко видел отражение лица дядьки Ангела. Мальчишка не мог разобрать, то ли усталость легла тенями, то ли думы.

– Тогда ещё была жива твоя прабабка – мудрая Донко. Не встречал я больше таких мастериц рассказывать истории. Да и гадалок, подобных ей, не припомню. Много ведала она, да я был больно мал, не всё понимал. Но историю эту слово в слово запомнил.

Однажды, когда табор раскинул свои шатры недалеко от того кургана, где мы сегодня проезжали, пошла твоя прабабка собирать травы. Эх, Сашко, какой спрос был на её зелья у баб. Кому приворотное, кому и пострашнее в надобность, – дядька сорвал травинку и впился белыми крупными зубами в сочный стебель. – Нарвала любистка, чабреца, дело-то к Троице шло, травы самую силу взяли. Только разморило её на жаре. Прилегла, и приснился ей сон...

На вольную степь надвигается море человекоконей. Их было так много, что, казалось, на земле не останется ни одной не примятой копытами травинки. Волосы людей были цвета половы, а глаза синие, как небо в июньский полдень. Донко почувствовала большую мощь, исходящую от чужаков. Они не были цыганами, но любили странствия не меньше нашего. Шли со стороны восхода солнца, с берега великой реки. Путь был такой длинный, что они, как и мы, жили в нем. Рождались, женились, умирали под скрип повозок и стук копыт.

Сашко лежал на спине, слушал дядьку и смотрел на звёзды. Млечный путь, рассыпанный на черном бархате неба, казалось, подмигивает, внимательно слушая рассказ.

– Я думал, только нам Бог оставил шлях, – буркнул негромко Сашко, но мужчина услышал.

– Эх, – прищёлкнул языком цыган, – Знаешь, как раньше называлась эта земля? Дикое поле. И край, и рай здесь человеку, – голос мужчины стал тише. Какие-то особенные ноты появились в голосе. – Ты, знаешь, Сашко, много дорог истоптали мои ноги, да только степь даёт крылья. Жаль, грамоте не обучен, а то написал бы, как рождается в степи весна.

На короткое время, кажется, жизнь притихает. Серо, пусто. Взгляду скучно, не за что зацепиться. В это время происходят невидимые события. Земля собирает живые соки, делает глубокий неспешный вдох. Чаша переполняется, щедро выплёскиваясь наружу. Жизнь начинает стремительно проявляться из Небытия.

Позади ярые ветра, лютые морозы. Земля просыпается. Нежно отпускает к солнцу своих деточек – степные травы. Матушка отдаёт им все бережно собранные силы. Знает, деревья не напоить. Не место им в степи. Степь – это простор, Сашко. Свобода благодатью Божией увенчана.

Дикое поле превращается в холст. Безвестный художник не жалеет красок. Он увлечён созданием нового полотна. Ему хочется поразить мир новыми оттенками, удивить своей безудержной фантазией. Ты, Сашко, лавки вспоминал, – Ангел прикинул, куда смотрел малец, и поднял глаза в чёрную бездну, – Разве есть такой купец, такие товары, чтобы пестрело, как тут?

Подвизался как-то одному аптекарю травы поставлять, работа выгодная. Дай, Бог, ему здоровья, научил меня многому. Давно дело было. Только по сей день еду по степи и замечаю: вон тяжёлые синие кисти шалфея поникающего. Им лечат тебе, молодому, неведомую болезнь стариков – подагру. Белоснежные островки катрана татарского не просто красивы. Отвар из травы и корней укрепит болящего, цингу излечит. Розовый зопник клубненосный стоит солдатиком в нежно-фиолетовой пушистой шапочке. Лечит воспаление, останавливает кровотечения.

Учёному человеку здесь раздолье. От любого недуга найдётся цветок, травинка, листок. Растительности тут великое множество, даже я всю не знаю, – Ангел умолк. Прислушался к разноголосию летней ночи. – А воздух, Сашко! Густой, душистый, как цыганский чай, хочешь дыши им, а хочешь пей.

И даже не в одном воздухе дело. Тут кругом под ногами жизнь. Ящерка пробежит, гадюка погреться выберется. Волк или лиса за зайцем метнётся. Рыжая может и хомяком не побрезговать. Байбак с сусликом, опять же, по делам своим паштают. А уж мелочи всякой степной и счёту нет. Полёвка, мышь, хорёк, ласка, полоз, медянка, уж, гадюка степная, жабы, лягушки.

Ангел замолчал. Тишину мелодично заглушали сверчки. Бескрайнее небо не отпускало взгляд. В нём, бесконечном, как в зеркале, отражалась такая же вольная степь. Алмазные поляны цветных звёзд казались тёплыми и близкими. Мерцание уравнивало и придавало ощущение причастности к чему-то большому. Только протяни руку и прикоснёшься, может, к самой главной тайне: «Как на небе, так и на земле».

– Ты про Донко не досказал, – Сашко решил вернуть дядьку к интересующей его теме. – Что дальше было во сне, прабабка рассказала?

– А то! – вернулся из своих дум Ангел. Длинным острым лезвием ножа поворошил остывающие угли. – Она увидела большую свадьбу. Был последний месяц весны. Дикая пивония покрыла степь праздничным красным ковром. Половецкий хан брал в жёны первую красавицу племени.

– Такую, как Рада? – Сашко вспомнил лучшую певунью и плясунью табора, перед чарами которой никто не мог устоять.

Ангел ухмыльнулся в густые, черные, как смоль, усы.

– Донко рассказывала о богатом празднике. Гостей щедро угощали мясом: говядина, конина, зарумяненные на огне. Выпечка, украшенная особыми символами. Коровье молоко.

Невеста и впрямь была хороша. Соплеменники поговаривали, что в свадебном наряде она была точным воплощением богини Умай.

Донко видела, как девушка подняла ввысь небесно-синие глаза и, не отрываясь, следила за полётом орла. Белокурые длинные волосы походили на густую гриву дикой лошади. Собранные в две туго сплетённые косы, опускались ниже пояса. Голову венчал причудливый головной убор, похожий на башенку. Он вытягивал и без того стройный силуэт девушки.

Хан не сводил глаз со своей избранницы: «Тонкая талия, упругие округлые бёдра. Она станет хорошей матерью моим сыновьям, новым воинам племени». К празднику хану и невесте сшили одинаковые кафтаны, рубахи, сапоги. Только украшения для поясов было разным. У невесты на талии красовались зеркальце и сумочка с девичьими безделушками. У хана, как и положено воину, оружие.

Стемнело. Гости ещё вкушали угощение. Хан легко подхватил молодую жену на руки и увлёк в манящую степь.

– Дядько Ангел, они прожили счастливую жизнь? – в груди Сашко защемило предчувствие нерадостного конца истории.

– Спать пора, Сашко, завтра в седле не удержишься, свалишься сонный, что мамке твоей скажу?

– Мамка говорит, я в седле родился, никого ловчее меня в таборе нет. Дядько, доскажи, сам не усну и тебе не дам.

Ангел прищурился, припоминая сказ Донко. Помолчал. Тяжело вздохнул и продолжил:

– Счастливая у них была жизнь. Только недолгая. Высокие, густые травы в этих местах такие, что и конному легко спрятаться. Попал хан в засаду. В тот раз мало с ним было воинов, но дрались они отчаянно. Жестокая была сеча, да силы неравные.

– Они все полегли? – севшим голосом спросил мальчишка, ярко представляя картину кровавой битвы.

– Почти, – кивнул дядько. – Смертельно раненого хана привезли целевшие воины.

– Раненого? – в голосе Сашко высокими нотами прорезалась надежда.

– Смертельно, – повторил рассказчик. – Донко видела, как убивалась его молодая жена, как богато, богаче чем хоронят у нас барона, провожала племя своего вожака. Как насыпали высокий холм и ставили каменного истукана лицом на восток. Он и по сей день охраняет покой кургана и первым встречает солнце. Всё показал Дух степи Донко. И радость, и боль. И как уходило племя дальше.

– Они ушли из-за гибели своего вождя? – глаза Сашко уже слипались от навалившейся сонливости, но он хотел разобраться до конца в истории.

– Нет. Близилась зима и люди двинулись к морю, где им легче было устроиться на зимовку. Донко узнала тайну. Во сне почувствовала, как под сердцем молодой жены хана забилась новая жизнь, она ждала сына.

– Степь снова стала безлюдной? – засыпая, успел спросить мальчишка.

Ангел слышал, как сладко засопел Сашко, и всё-таки ответил:

– Эти земли никогда не были безлюдными. Они испытывали многих и давали приют. Когда-нибудь я расскажу тебе о свободолюбивых предках нынешних казаков.

Мальчик не слышал последних слов дядьки Ангела. Удивительный сон омутом поглотил парня вместе с его думами о пророческом видении прабабки Донко. Сашко почувствовал, как отрывается от земли и стремительно набирает высоту. Глаза стали зорче, руки мощно рассекали воздух, улавливая потоки. Взмах, ещё один. Да это крылья!

Степным вольным орлом взмыл Сашко над просторами Дикой степи. Всматривался в горизонт. Не видать края волнующемуся серебристым ковылём морю. Отражают солнечный свет целебные родники живой воды, восходят на поверхность из древних глубинных пластов земли, собрав мудрость и любовь предков.

Степь, с её бесконечными просторами, стала для многих народов символом свободы. Вольный ветер, нашептывающий сказки диким травам. Древние курганы, хранящие тайны. Табуны диких лошадей, разбивающие копытами непаханую твердь, открывая ходы к солнцу прорастающим семенам. Простор, который заполняет душу каждого, кто хоть однажды вдохнул пьянящий воздух целинной земли.

Сашко, свернувшись калачиком, спал. Дух степи нёс его на крыльях державной птицы. С высоты полета мальчишка видел реку и даже откуда-то знал её название – Грузский Еланчик. Сашко вдруг ощутил, в степи нет однообразия и монотонности. Он всматривался в её тело, прорезанное небольшими балками с пологими склонами. Вдоль берега реки белыми костями сказочных чудовищ вышли известняки. Особенным, недоступным ни людям, ни птицам зрением, Сашко видел поразительные картины за пределами степи. Мир менялся со скоростью движущихся картинок в синематографе. Год назад в посёлке Юзовка Сашко бывал в одном таком. «Сатурн» В.Ю. Шмидта называлось то место.

С восторгом и страхом наблюдал мальчишка, как рождались новые города и поселения. Как всполохи жестоких битв окрашивали небо. Как преображалась земля человеческим трудом. И только Дикое поле, наполненное первородной силой, оставалось нетронутым. «Степь, Сашко – главный оберег этой земли. Теперь ты за неё в ответе», – донёсся до мальчишки незнакомый голос.

– Я услышал тебя... – прошептал во сне Сашко.

– Хорошо, – улыбнулся дядько Ангел и заботливо укрыл мальчика коужом.